

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

И.А. Ерёмин

Барнаульский государственный педагогический университет

E-mail: dean@bspu.secna.ru

Показаны различные аспекты размещения на территории западносибирского региона многих тысяч военнопленных австро-германского блока в годы Первой мировой войны.

По данным Генерального штаба русской армии на 1 сентября 1917 г. на территории России было более 1,8 млн военнопленных [1. С. 41]. Несмотря на то, что Западная Сибирь была одним из самых удаленных от театра военных действий регионом, ее быстро достигло эхо боев. Первые месяцы войны ознаменовались разгромом русскими войсками Юго-Западного фронта четырех австро-венгерских армий, успешным оттеснением немцев с берегов Вислы и удачной Лодзинской операцией. Результатом стало пленение нескольких сотен тысяч военнопленных враждебных государств [2. С. 301]. Летом 1915 г. на территории западносибирских регионов (Тобольской и Томской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областях) в военно-административном отношении входивших в состав Омского военного округа (ОмВо), размещалось уже более 155 тыс. чел. военнопленных [3. С. 11].

В утвержденных в октябре 1914 г. Николаем II «положениях о военнопленных», русское правительство фактически брало на себя обязательства придерживаться принципов Гаагской конвенции 1907 г. о гуманном обращении с пленными. Прежде всего, военнопленные характеризовались как «законные защитники своего отечества», с которыми предполагалось «обращаться человеколюбиво». Для этого, командиры воинских частей «при которых состоят» военнопленные, не должны были обременять их «изнурительной» работой, а также следить, чтобы им «не было причиняемо обид и притеснений» и все «положенное им довольствие доходило до них полностью и в надлежащем виде» [4. С. 3811, 3813, 3817].

Решение правительства направить в Западную Сибирь значительное число военнопленных заставило местные власти оперативно решать многие проблемы. Военное ведомство, на котором лежала ответственность по размещению военнопленных, заранее не позаботилось о строительстве для них специальных помещений. Его чиновники попросту обязали городские власти любыми путями найти жилье для прибывших военнопленных. Все вопросы решались в крайней спешке. 16 ноября 1914 г. командующий войсками ОмВо генерал Е.О. Шмит отдал распоряжение городским управам Западной Сибири в течение недели предоставить сведения о помещениях, годных для расквартирования военнопленных. Города должны были обеспечить отопление и освещение этих помеще-

ний, военное ведомство брало на себя обязательство выплатить более чем скромный «квартирный оклад» – 10 руб. 50 коп. на одного военнопленного в год [5. С. 156].

На первых порах для размещения военнопленных, как правило, выделялись казармы подразделений, уходивших на фронт. В казармах пленные находились в тех же условиях, что и русские военнослужащие, составлявшие их охрану. Отсутствие необходимой материальной базы заставляло местные власти принимать нестандартные решения для снятия проблемы размещения военнопленных. При недостатке казарменных помещений, города отводили для военнопленных здания учебных заведений, народных домов и т. д. Так, в г. Томске в сентябре 1914 г. 1200 военнопленных размещались в Доме науки. Для этого властям пришлось отказать занимать здесь бесплатно помещения местным культурно-просветительским учреждениям [6]. Член русского Особого комитета помощи военнопленным Е.Г. Шинкевич, во время своей командировки в ОмВо летом 1915 г. для изучения «степени нужды военнопленных австро-венгерской армии», видел в Новониколаевске и Петропавловске пленных, размещенных «в бывших домах терпимости, закрытых для этого» [3. С. 15].

Главный упор власти Западной Сибири в решении проблемы размещения военнопленных делала на строительство концентрационных лагерей. В регионе для этих целей городские власти отводили, как правило, на окраине, участки земли в размере 12–14 десятин (1 десятина ≈ 1,09 га). Концлагеря обычно строились на 10 тыс. пленных каждый. В них возводились деревянные бараки на 500 военнопленных. Лагеря строились по общему плану, утвержденному инженерным ведомством. Затраты на строительство одного такого концлагеря составляли порядка 250 тыс. р. [3. С. 14]. В частности, в г. Томске на эту сумму концлагеря на 10 тыс. военнопленных по решению городской думы строились в кварталах № 222 и 223 [7]. Ход строительства осенью 1915 г. контролировал в регионе председатель комиссии по приемке зданий концентрационных лагерей для военнопленных генерал-майор Марсов-Тимашевский [8]. Всего в России к 1917 г. насчитывалось более 400 концлагерей для военнопленных, в том числе в ОмВо их было 28 [9. С. 36].

Большую работу проводили власти края по медицинскому обслуживанию военнопленных. Эта

проблема была в высшей степени сложной ввиду слабой материальной базы имеющихся в регионе лечебных учреждений. Тем не менее, документы того времени свидетельствуют о том, что власти всех уровней пытались в меру своих возможностей решать сложные проблемы оказания медицинской помощи военнопленным. Прежде всего, властям Западной Сибири пришлось принимать срочные меры по локализации эпидемии сыпного тифа среди пленных, вспыхнувшую в конце 1914 г. в г. Новониколаевске. С этой целью ремонтировались и дезинфицировались помещения, где находились больные. Для недопущения в регион новых партий больных пленных, прибывавших из Европейской России, в Челябинске по рекомендации военно-санитарной инспекции, был организован «изоляционный лагерь». Здесь размещались все пленные с подозрением на болезнь. Кроме того, такие «лагеря» были созданы на главных станциях Омской железной дороги – в гг. Кургане, Петропавловске, Омске. Наконец, в пунктах назначения производился вторичный осмотр пленных и всех с повышенной температурой изолировали «до выяснения состояния здоровья». Все больные тифом в Новониколаевске были переведены в особый лазарет в военном городке, а помещения, где были случаи заболевания тифом, отделялись от других заборами. Перечисленные меры помогли справиться с эпидемией сыпного тифа и взять ситуацию под контроль. О масштабах эпидемии в городе говорят следующие цифры. Из 19903 военнопленных, находившихся в г. Новониколаевске с сентября 1914 г. по июль 1915 г. сыпным тифом заболело 5328 чел. Из них умерло 2036 чел., а выздоровело 3012 чел. [3. С. 33–34]. Всего смертность среди военнопленных Четверного союза в России за годы войны составила порядка 4 % от их общей численности [10. С. 190].

Помимо распространения эпидемий, размещение в регионе многих тысяч военнопленных приводило к тому, что местные жители не могли, как раньше, реализовать свои права получать медицинскую помощь. Больные военнопленные направлялись в горбольницы и занимали места, предназначенные для лечения горожан. Выход из создавшейся ситуации местные власти видели в срочном строительстве лечебных заведений для военнопленных с отделениями для инфекционных больных, которые в то время назывались «заразными больницами». К 1916 г. лазареты при концентрационных лагерях действовали на территории Западной Сибири в гг. Барнауле, Бийске, Новониколаевске, Омске, Петропавловске, Тобольске, Томске и Тюмени. Как и по всей стране, содержание в лечебных заведениях военнопленных по стоимости было приравнено к аналогичным расходам на больных солдат русской армии [11].

Нормальное самочувствие военнопленных в огромной степени зависело от того, как было организовано их питание. Согласно главе V-ой «положений о военнопленных» от 7 октября 1914 г., рядовые

пленные получали «кормовые деньги и продовольствие в натуре» на одинаковом основании с солдатами русской армии [12. С. 3818]. На питание русского солдата перед войной в день отпускалось 3 фунта (1 фунт \approx 409,5 г) хлеба, 32 золотника (1 золотник \approx 4,3 г) крупы и «приварочные деньги» в таком количестве, что на них можно было купить 3/4 фунта мяса. Кроме того, полагался чай – 48 золотников с 6 фунтами 24 золотниками сахара на 100 чел. в день [13. С. 8]. Приведенные выше цифры говорят о том, что продовольственное обеспечение военнопленных было вполне удовлетворительным. На протяжении войны эти нормы довольствия несколько раз корректировались центральными ведомствами в сторону уменьшения в связи с нарастающими продовольственными проблемами в стране.

Огромное внимание военные и гражданские власти края уделяли проблеме использования труда военнопленных в промышленности и сельском хозяйстве. Здесь надо отметить, что военнопленных офицеров к обязательному труду не привлекали. Их статус был несравним с положением пленных солдат. Офицеров размещали в регионе отдельно от солдат либо по частным квартирам, либо в свободных казарменных помещениях группами от 20 до 400 чел. Они спали на кроватях, имели чистое белье. От русского правительства они получали «кормовое довольствие», которое в зависимости от чина составляла в начальный период войны от 50 до 125 р. в месяц. Это были вполне приличные суммы, если учесть, что хорошее питание в среднем обходилось в месяц офицеру в 19–25 р. Для того, чтобы не отвыкнуть от своей национальной кухни, офицеры нанимали себе поваров из числа соотечественников. Обязанности прислуги для них исполняли денщики из солдат-пленных. Свободное время военнопленные офицеры посвящали чтению книг, изучению иностранных языков, занятию спортом. Некоторые из офицеров, размещенных в частных домах с садами, устраивали там цветники и огороды [3. С. 15, 20, 26, 30].

Порядок организации труда военнопленных солдат регламентировался нормативными документами, утвержденными Советом министров. В самом начале войны правительство исходило из того, что труд военнопленных не должен был оплачиваться. Военнопленные, работая без оплаты за свою работу, давали низкую производительность труда. Такая картина наблюдалась и в регионе [14]. 8 марта 1915 г. царь утвердил положение Совета министров, по которому статья 13-я закона от 7 октября 1914 г. дополнялась правом для ведомств и учреждений, «в ведение которых поступали военнопленные», отпускать им «денежные выдачи». В положении подчеркивалось, что главной целью предлагаемой меры является поощрение пленных «к более усердному труду» [15. С. 1123].

«Правила» от 28 февраля 1915 г. предусматривали посылку военнопленных на сельскохозяйственные работы партиями по 100 чел. и более сроком не

менее чем на три месяца в распоряжении земств [16]. В Западной Сибири, где земств не было, распределением военнопленных на сельскохозяйственные работы занимались, главным образом, местные власти, создавая для этого специальные уездные комитеты [17]. Заявки на посылку пленных удовлетворялись далеко не полностью. Согласно запросам с мест, для работы в сельском хозяйстве Тобольской губернии требовалось минимум 58 тыс. чел., фактически же на уборочные работы в 1915 г. было послано 20 тыс. пленных [18]. Летом 1915 г. в целом по стране на сельскохозяйственных работах было занято свыше 300 тыс. пленных [19]. Такая же ситуация возникла в 1916 г. в главной житнице Сибири – Томской губернии, власти которой сделали заявку на использование на сельскохозяйственных работах 150 тыс. военнопленных, а реально получили 20 тыс. пленных [20]. После Февральской революции военнопленные, размещенные в сельской местности региона, стали требовать от властей качественного улучшения их положения, отказывались от работы [21]. Тем не менее, острый дефицит рабочей силы в деревне заставлял правительство и после падения самодержавия делать значительную ставку на использование труда военнопленных в сельском хозяйстве. По данным В.Н. Большакова, в сельском хозяйстве Западной Сибири на 1 июля 1917 г. работало около 40 тыс. пленных [22. С. 159].

Привлечению военнопленных для работ в промышленности были посвящены утвержденные Советом министров 17 марта 1915 г. «Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях». Согласно этих «Правил», военнопленные отпускались партиями не менее 25 чел. для каждого завода или фабрики с тем, чтобы их число не превышало 15 % от общего числа рабочих данного предприятия. Вопросам оплаты труда военнопленных был посвящен 9-й пункт «Правил». В нем речь шла о том, что пленные предоставлялись в распоряжение частных предпринимателей для работы за плату, размеры которой устанавливались предприятиями «соответственно существующим местным ценам для каждой категории работ». При этом пояснялось, что не менее 1/3 из заработной платы пленных отчислялось в особый фонд, «на особо открываемые счета подлежащих министерств, в их депозиты по казначействам». Для стимулирования добросовестного труда предусматривалась такая мера материального поощрения как «денежный отпуск на улучшение довольствия» для тех военнопленных, кто «обнаруживал усердие в работе», но не свыше 20 коп. за каждый рабочий день на человека [23. С. 1573–1575].

Значительное число военнопленных все годы войны работало на предприятиях Западной Сибири. По подсчетам Д.М. Зольникова, пленные составляли 19,8 % среди рабочих обрабатывающей промышленности Тобольской губернии, 10 % – промышленности Томской губернии и более 5 % –

всей Сибири [24. С. 34]. В абсолютных цифрах, по данным В.Н. Большакова, «в сфере индустриальных занятий» в сибирском регионе в 1916 – первой половине 1917 гг. трудилось от 25 до 30 тыс. пленных [22. С. 161]. После Февральской революции правила использования труда военнопленных в частных промышленных предприятиях претерпели изменения. Возникшие в регионе советы, желая привлечь на свою сторону рабочих, стремились к ограничению использования труда военнопленных, которые являлись конкурентами для местных трудящихся [25]. С другой стороны, весной 1917 г. Совет рабочих и солдатских депутатов Судженска поддержал требования шахтеров местных угольных копей к владельцу шахт Л.А. Михельсону о равной оплате труда русских рабочих и военнопленных. Конференция горнорабочих Кузнецкого бассейна, состоявшаяся в середине июня 1917 г., приняла решение уравнивать оплату труда военнопленных с русскими трудящимися [9. С. 67].

Эффект от использования военнопленных в качестве рабочей силы в народном хозяйстве края и страны в целом был незначительным. Участник мировой войны, крупный военный эксперт генерал Н.Н. Головин называет огромное количество военнопленных на территории России в годы войны «очень серьезной добавочной рабочей силой». Чтобы с пользой для экономики страны использовать этот резерв, требовалась «продуманная система использования этой прибавочной силы». Однако, по его мнению, в полной мере этого сделано не было, что «значительно понизило ту сумму пользы, которую можно было извлечь» [2. С. 109].

С 1915 г. началось взаимное посещение лагерей военнопленных делегациями Красного Креста воюющих и нейтральных стран. Международные инспекторы неоднократно посещали места размещения военнопленных в Западной Сибири. В целом, они считали, что военнопленные в регионе находились в удовлетворительных жилищно-бытовых условиях. Прежде всего, отмечалась хорошая организация питания, высокое качество и обилие хлеба. Одобрение наблюдателей вызвали открытые в концлагерях «лавочки» для военнопленных. Ежедневная их выручка от продажи, прежде всего, продуктов питания, достигала в 1915 г. в Томске 120 руб., а в Новониколаевске – 250 руб. Благоприятной признавалась ситуация с удовлетворением «религиозных потребностей» военнопленных, которые в воскресные и праздничные дни могли посещать церкви «своего вероисповедания». Кроме того, в отдельных городах местным протестантским пасторам и католическим ксендзам разрешалось посещать военнопленных для проведения религиозных служб. С удовлетворением инспекторы отмечали в своих докладах, что «постановления Гаагской конвенции, воспрещающие обременять пленных непосильной работой, безусловно соблюдаются в России». Самым крупным недостатком в организации быта военнопленных, международ-

ные наблюдатели чаще всего называли длительные сроки доставки корреспонденции для военнопленных [26].

Оказавшись в Сибири, пленные опасались, что здесь их «просто перережут» [27]. На деле и власти, и население региона относились к военнопленным вполне лояльно. Эта лояльность даже вызвала раздражение военных властей края. Впервые об этом со всей определенностью было сказано в приказе командующего войсками ОмВо генерала Е.О. Шмита от 21 декабря 1914 г. В нем осуждались некоторые офицеры и «чины, состоящие на военной государственной службе», которые принимали у себя дома военнопленных, угощали их в ресторанах «на виду всей публики», вступали «в дружественную интимную переписку», высылали «на добрую память фотографические карточки с надписями, сердечными пожеланиями и воспоминаниями о счастливо проведенных днях» [28].

С самого начала войны официальная политика русских властей в отношении военнопленных разных национальностей была дифференцированной. К немцам и венграм, которых считали главными исполнителями агрессивной политики своих правительств, отношение было настороженным. К представителям славянских народов, населявших Австро-Венгрию, проявлялись более доброжелательные чувства, просматривалось явное стремление заручиться их политической симпатией. Правительство России всячески поощряло создание общественных организаций, которые вели идейно — политическую работу в нужном для властей направлении среди военнопленных — славян. В рамках этого курса, министр внутренних дел Н.А. Маклаков утвердил 30 октября 1914 г. «Устав Всероссийского попечительства о пленных славянах». Главная цель этой организации заключалась в том, чтобы «покоренных мечем славян завоевать ... духовно», превратить их «в убежденных сторонников и проповедников общеславянского единства» [29. С. 1].

В 1915 г. в России началось формирование воинских частей из пленных чехов и словаков для ведения военных действий против Германии. Инициаторами создания таких подразделений были находившиеся в России чехословацкие эмигрантские организации. В феврале 1915 г. они провели в Москве свой съезд, на котором было официально объявлено о решении создать в России чехословацкие воинские части из эмигрантов и военнопленных. В политической декларации, принятой на этом съезде, заявлялось о желательности создания самостоятельного чехословацкого государства во главе со славянским королем, которое проводило бы свою политику в полном единстве со всем славянским миром, прежде всего с Россией. В феврале 1916 г. с помощью русского правительства был создан чехословацкий стрелковый полк, а в апреле того же года начальник штаба ставки русской армии генерал М.В. Алексеев дал разрешение на формирование чехословацкой бригады. К декабрю 1917 г. удалось

сформировать чехословацкий корпус, который насчитывал 38500 легионеров [9. С. 57, 59].

Начало формирования чехословацких воинских частей, кардинально изменило положение военнопленных — славян в сторону либерализации режима их содержания. При этом губернаторы Западной Сибири должны были целенаправленно проводить на местах в жизнь эту политику. В циркулярах, направленным местным властям, они просили их предоставлять военнопленным — славянам, находившимся на работах, «некоторых льгот по сравнению с пленными мадярами и немцами». Военнопленным — славянам предполагалось разрешить прогулки в воскресные дни, встречи с соотечественниками [30]. Летом 1916 г., руководствуясь циркуляром начальника генерального штаба, командующий войсками ОмВо приказал беспрепятственно «допускать к обращению среди пленных славян еженедельную чешскую газету «Чехословянин» [31].

После Февральской революции режим содержания военнопленных значительно смягчился. Они получили право всюду бывать и ходить без конвоя по улицам. Некоторым военнопленным были предоставлены исключительные льготы. Большевику из Австро-Венгрии Б. Куну, отбывавшему плен в томском концлагере, было разрешено поселиться на частной квартире. Военнопленные участвовали в первомайских демонстрациях, проходивших в городах Сибири [32. С. 518]. Среди пленных, прежде всего немцев и венгров, появились так называемые «интернационалисты», активные сторонники местных большевиков. Из них формировались батальоны, помогавшие большевикам захватывать власть в регионе. Им противостояли чехи и словаки, которые лояльно относились к Временному правительству и в составе почти 40-тысячного корпуса собиравшиеся сражаться против германских войск.

После прихода большевиков к власти и подписания сепаратного Брестского мира, военнопленные получили возможность вернуться на родину. Однако далеко не все военнопленные смогли ей воспользоваться. Начавшаяся весной 1918 г. крупномасштабная гражданская война в России вовлекла в свой кровавый кругооборот десятки тысяч бывших военнопленных, оказавшихся во враждебных военно-политических лагерях. Свергнув летом 1918 г. Советскую власть в Сибири, чехословаки беспощадно расправлялись с военнопленными — «интернационалистами» немцами и венграми. Они расстреливали каждого немца или венгра только по подозрению в сочувствии к большевикам. Вскоре после свержения правительства А.В. Колчака в Сибири, основная масса бывших военнопленных вернулась на родину [32. С. 520].

Таким образом, власти Западной Сибири в годы войны смогли разместить и обустроить в соответствии с международными гуманитарными соглашениями десятки тысяч военнопленных. При этом

огромное внимание было уделено организации медицинского обслуживания пленных. Использование военнопленных в качестве рабочей силы, в определенной степени помогло смягчить ситуацию с нехваткой трудовых ресурсов в регионе. Наиболее лояльно русские власти относились в это время к

военнопленным славянского происхождения. Жители региона доброжелательно воспринимали пленный всех национальностей. Революционные события 1917 г. привели к тому, что часть военнопленных стала принимать достаточно активное участие в российском политическом процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). – М.: ЦСУ, 1925. – 103 с.
2. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. – М.: Кучково поле, 2001. – 440 с.
3. Отчет члена состоящего при Центральном справочном бюро о военнопленных Особого комитета помощи военнопленным Е.Г. Шинкевича по командировке в Омский военный округ для обследования степени нужды военнопленных австро-венгерской армии. – Пг.: Гос. типогр., 1915. – 64 с.
4. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1914 г. – Пг.: Сенатская типогр., 1914. – Собр. 281. Ст. 2568.
5. Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь. Сб. статей. – Омск, 1997. – С. 154–180.
6. По Сибири // Жизнь Алтая. – 1914. – 27 сент.
7. ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2969. Л. 508–510.
8. Хроника // Жизнь Алтая. – 1915. – 16 окт.
9. Интернационалисты: Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. 1917–1920 гг. – М.: Наука, 1987. – 450 с.
10. Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. Изд. 3-е доп. – М.: Москвитянин, 1993. – 315 с.
11. ГАОО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.
12. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1914 г. – Пг.: Сенатская типогр., 1914. – Собр. 281. Ст. 2568.
13. Дубенский Д. Российская армия и флот. Устройство, быт и служба войск. – СПб.: Изд-во «Русского Чтения», 1908. – 64 с.
14. Хроника // Жизнь Алтая. – 1914. – 26 сент.
15. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1915 г. – Пг.: Сенатская типогр., 1915. – Собр. 90. Ст. 756.
16. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1915 г. – Пг.: Сенатская типогр., 1915. – Собр. 83. Ст. 715.
17. ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 6. Л. 193.
18. ГАОО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 9 а. Л. 373.
19. По России // Жизнь Алтая. – 1915. – 23 июля.
20. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 1782. Л. 20.
21. Хроника // Жизнь Алтая. – 1917. – 29 апр.
22. Большаков В.Н. Источники пополнения рабочей силы в промышленности Сибири в годы первой мировой войны // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. – Новосибирск, 1980. – С. 151–172.
23. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1915 г. – Пг.: Сенатская типогр., 1915. – Собр. 150. Ст. 1162.
24. Зольников Д.М. Рабочие Сибири в годы первой мировой войны и Февральской революции. – Новосибирск: Наука, СО, 1982. – 205 с.
25. ЦХАФ АК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 149. Л. 58.
26. РГВИА. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 427. Л. 5, 7, 11, 15, 19–22 об.
27. По Сибири // Омский вестник. – 1914. – 7 сент.
28. ГАОО, Ф. 54. Оп. 2. Д. 17. Л. 76–76 об.
29. Устав Всероссийского попечительства о плененных славянах. – Пг., 1914. – 16 с.
30. Хроника // Жизнь Алтая. – 1916. – 11 февр.
31. Хроника // Жизнь Алтая. – 1916. – 9 июля.
32. Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск: Сибирское краевое изд-во, 1929. – Т. 1. – 988 стб.

Поступила 26.09.2005 г.